

ЧЕСТНО признаюсь, была уверена, что за то время, на которое я оказалась гостьей хельсинкского Национального театра, узнать театр, а уж тем более почувствовать атмосферу и ритм его работы, просто невозможно. Отталкивалась от знакомых стереотипов, даром что сама проработала в театре в должности завлита целых восемь лет. Оказалось, все возможно: и посмотреть четыре спектакля, и побывать на репетиции, и увидеть все сцены театра в работе — а их целых четыре, и осмотреть цеха. И еще заскочить на спектакль гастрوليрующего здесь (вот удача! В Союзе никак не получалось) театра «Гаудеамус» с его знаменитым «Стройбатом» в постановке Л. Додина. И даже взять интервью у приглашенной знаменитости — я имею в виду Юрия Любимова (об этом наша газета уже писала).

А возможным это оказалось благодаря необыкновенно слаженной, подчас незаметной, для них нормальной, а для нас фантастической работе всего организма, именуемого театром. И в первую очередь, конечно, работа его художественного руководителя Кая Савола. Господина Савола я увидела лишь в день приезда — он поприветствовал меня больше из вежливости, а потом все покатило без него, будто моя программа была рассчитана на компьютер. Но за всем этим чувствовалась рука хозяйна и организатора. А организовала для меня этот праздник его главный помощник, именуемый в любом нормальном театре мира драматургом, а у нас расплывчато и туманно — ведущим литературной частью — Тертту Савола. Тертту, работающая в Национальном театре вместе с мужем без малого 20 лет — срок немалый, но вполне традиционный для этого ведущего театра страны, — является еще и режиссером.

Собственно говоря, в этой роли я и узнала ее. Познакомились мы в таллинском Молодежном театре, куда госпожа Савола была приглашена на постановку «Кукольного дома» Ибсена. Спектакль, благодаря нетрадиционному прочтению и прекрасным актерским работам стал событием в не слишком богатой сегодня театральной жизни столицы Эстонии и вызвал желание познакомиться с другими работами режиссера.

Любопытство мое оказалось не случайным и было удовлетворено сразу же после приезда. В будний день в малом зале шел утренник, причем, что меня крайне удивило, при полном зале был показан серьезнейший психологический спектакль отнюдь не развлекательного жанра — пьеса американского драматурга Х. Гарднера «Я — не Раппопорт». Пьеса, как обычно говорят профессионалы, возрастная: на сцене два восьмидесятилетних старика в превосходном исполнении ведущих артистов — К. Хеловирта и Т. Ринне. Они анализируют прожитую жизнь, от реальности переходя к иллюзиям и наоборот. Анализируют иронично и серьезно, грустно и смешно, играя разные роли, как это часто происходит в жизни. И зритель сопереживает происходящему, радуясь и плача вместе с героями.

Эта сопричастность удивила меня во всех виденных мною спектаклях, а особенно в тех, где тема, казалось бы, не осо-

бенно должна волновать аудиторию. Я имею в виду хотя бы «Самоубийцу» Н. Эрдмана, спектакль, поставленный в театре дважды — десять лет назад и сейчас. Нынешний идет в постановке молодого талантливого венгерского режиссера Тамаша Ашера. (Спектакль этот могли видеть москвичи во время гастролей финского театра в 1989 г.). Изящный, с чувством меры, с прекрасно выстроенными мизансценами, спектакль порадовал замечательными актерскими

ской. Из четырех увиденных спектаклей два — «Самоубийца» и «Варвары» и третий — репетируемый — «Подросток» — созданы по пьесам русских писателей. Есть чему позавидовать любому из наших ведущих театров!

Вообще же уважение к русской культуре ощущалось буквально во всем. Быть может, это дань традиции, заложенной еще основателем Национального театра Каарлом Бергбомом. Тогда основные зарубежные гастролы проходили

атр показал «Уроки мастера» Д. Паунелла, ставшего затем бестселлером и в Эстонии, и по всему Союзу, и пьесу эстонского драматурга Р. Салури «Изгнание».

Пьесу Р. Салури «Изгнание», рассказывающую о насильственной депортации эстонцев в 1949 году в Сибирь, поставил известный эстонский прозаик и режиссер Мати Унт. В театре я встретила Микка Микивера, репетирующего на малой экспериментальной сцене новую пьесу маститого Яана Кросса продолжающую по своей теме «Императорского безумца». Жаль, конечно, что премьера вначале состоится в Хельсинки, а затем уже в Таллинне. Но ничего не поделаешь, такие нынче времена настали. Репертуар финского театра во многом, особенно в области поиска современной западной драмы, влиял на театр эстонский. Хотя и приходилось каждый раз выпрашивать разрешение союзного министерства культуры.

Создатели лучших образцов печатной продукции наших театров во многом брали за основу буклеты-программки театров финских, в особенности Национального. Но как мы в Эстонии ни старались, достичь необходимого уровня в плане информативном, и особенно типографском, так и не смогли. И посетив Хельсинкский театр, я поняла, почему. Ну хотя бы потому, что у драматурга, есть два помощника, скромно именуемые секретарями, а у нас пышно — редакторами. Причем хочу заметить, один из них окончил Сорбонну, но отнюдь не отказывается и от повседневной работы, которой, люди театра это знают, ох, как много. У драматурга появляется время и пьесы новые искать, и творчески подойти к составлению программки.

Репертуар Национального очень богат, и режиссеры лучшие со всего мира приглашаются. Мне страшно повезло и в том, что удалось посмотреть пьесу давно интересовавшего меня своей непостижимостью Артура Шницлера. У нас он почти не идет или идет, может быть, крайне редко. Мне во всяком случае не приходилось видеть его пьесы на сцене. А в них нынче есть потребность — Шницлер вновь стал очень популярен в мире, особенно много его ставят англичане, известный драматург Том Стоппард сделал даже вольное переложение его пьесы «Далекая страна».

А тут такая удача — «Далекая страна» в постановке знаменитого Отомара Крейчи, в прелестном, воздушном, истинно французском оформлении художника Ги-Клод Франсуа и замечательном исполнении костюмов цехами театра, что тоже немаловажно. Спектаклю предпослано высказывание самого Шницлера: «Я пишу о любви и смерти». И спектакль действительно говорит о вечных категориях, говорит изящно, — то поэтично, то иронично, но в обоих случаях блестяще. И я подумала — как нужно и нам остановиться, отряхнуться от тяжелого быта и поговорить о вещах вечных и незбылемых...

...К коим, к сожалению, моя поездка в Хельсинки не относится...

Марина ОЧАКОВСКАЯ.
(Спец. корр. «Культуры»).

ХЕЛЬСИНКИ — ТАЛЛИНН.

● Сцена из спектакля «Далекая страна».

Фото К. Суур.

Маски лидера

работами. Мартти Ярвинен, с завидной легкостью и изяществом сыгравший Подсекальникова, удивил возможностью перевоплощения в роли горьковского Притыкина в «Варварах» и поразил тонкостью проникновения в психологически сложный образ Версилова в любимовских репетициях «Подростка» Ф. Достоевского. Вообще создало впечатление, что при всей высочайшей культуре сценического воплощения театр делает основную ставку на актерское мастерство. Но так как в нем играют лучшие актеры Финляндии, то выбор этот вполне оправдан.

Роль ведущего театра накладывает свои обязательства. Если другие театры, скажем, Хельсинкский городской, могут позволить себе увлечение современной драмой, то главная задача Национального — знакомство с мировой классикой, в которой не последнее место уделено классике рус-

в Санкт-Петербурге. Теперь же театр часто приглашает и наших режиссеров, и целые коллективы. Возьмем хотя бы последние два года: Школа драматического искусства, Театр на Таганке, Театр им. Руставели из Тбилиси. В перечне лучших приглашенных режиссеров, названных в буклете, на первом месте постановщики русские — Г. Товстоногов, А. Эфрос, Л. Додин, сейчас вот Ю. Любимов. В ближайшей перспективе Р. Стурра приступит к репетициям «Комедии ошибок». Если судить по макету, привезенному Г. Алекси-Месхишвили, спектакль обещает быть остро современным.

С середины 80-х более активными становятся и обменные гастролы. Театр дважды побывал в Москве и Таллинне, привеза среди прочего очень популярное тогда в мире «Ретро» А. Галина, кстати, в постановке Тертту Савола. В последний свой приезд в Таллинн те-